

Из воспоминаний М.Е. Васильевой об аресте и посещении мужа в тюрьме:

Тяжело пережил Наум Иванович смерть Кирова, смерть Орджоникидзе. Вскоре начались аресты на предприятиях резиновой промышленности. Арестовали начальника Главка, заместителей. Не избежали этой участи директора заводов и их заместители на комбинате «Красный треугольник».

21 апреля 1937 года утром прочитала статью в газете «Ленинградская правда», что снят с работы генеральный директор комбината «Красный треугольник», как не справившийся с работой. До этого в газете «За индустриализацию» была статья, что генеральный директор Н. И. Васильев плохо работает. Одновременно и в московской вечерней газете написали, что генеральный директор «Красного треугольника» всю жизнь держал против КПСС (*так в оригинале. – ред.*) камень за пазухой. Это я прочитала <...> случайно у знакомых в Москве.

Вечером 21 апреля Наум Иванович собрался ехать в Москву, выяснять это недоразумение – план выполнялся, людей награждали, и вдруг «не справился». Но ему позвонили из НКВД и велели перед отъездом заехать к ним. Он торопился на поезд и отказался. Сразу появились трое – один в форме НКВД, и начался обыск квартиры. Даже у спящего ребенка, а ему было два года, под матрасом что-то искали. Взяли книгу В. И. Ленина «VI партсъезд» и больше ничего, только все опечатали, оставили одну комнату, где спал ребенок.

У меня во время ареста Наума Ивановича была мама из Москвы - приехала помочь мне, я сдавала экзамены. Пришлось ее отправить с ребенком в Москву. Когда мы выходили за ворота нашего дома, нас задержали, произвели обыск чемодана, но там были только детские вещи. Куда-то позвонили ипустили. За последнее время во дворе нашего дома появилось много дворников в белых фартуках, а раньше был один. В доме много арестованных. «Дом специалистов» - так назывался он.

В моей квартире комнаты были опечатаны, остальное все описано. Самая большая ценность была библиотека. Ее не описали и не проставили цену. Через некоторое время мне позвонил следователь Кораблев, велел принести носильные вещи, продукты не разрешил. Я явилась в Большой дом, не узнала мужа – сидел на стуле худой, бледный, с трясущимися руками и головой. Заикается мой муж. «Разговаривать только о ребенке, больше ни о чем», – сказал следователь, как сказал муж мне. Когда я спросила: «В чем же вы его обвиняете?», следователь ответил: «Свидание прекращено».

Наум Иванович Васильев обвинялся в том, что якобы был «участником контрреволюционной террористической диверсионно-вредительской организации в резиновой промышленности». 24 августа Васильев был приговорен к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в тот же день. Ему было 42 года. Затем 3 октября 1937 года, уже после расстрела, Наум Васильев был как «враг народа» исключен из ЛХТИ, где он учился экстерном на технологическом факультете. (...) Через 20 лет дело Наума Ивановича Васильева было пересмотрено. «По вновь открывшимся обстоятельствам» приговор был отменен, и дело «за отсутствием состава преступления» было прекращено, а Васильев – реабилитирован.